

Отзыв

на автореферат диссертационной работы Неклюдова Константина Викторовича «Галилейский контекст проповеди Иисуса Христа: проблемы, сформулированные библеистикой XIX-XX вв., и их решения в свете современной археологии», представленной на соискание ученой степени кандидата теологии по специальности 26.00.01 - Теология.

Актуальность подобной работы, прежде всего, обуславливается недостатком исследований в области российской школы библеистики. Несмотря на опубликованные монографии Л.А. Беляева, Н.Я. Мерперта, Л.С. Чаковской, диссертацию С.В. Тархановой, ряд статей самых различных авторов в Православной Энциклопедии и других изданиях, а также на ряд переводов на русский язык монографий зарубежных теологов и археологов, в палестиноведении остаётся огромное число лакун, одну из которых автор диссертации, К.В. Неклюдов, успешно заполняет.

Само название диссертации априорно впечатляет размахом научных задач, которые автор перед собой ставит. Их решение потребовало ознакомления с самым широким кругом вопросов и использования междисциплинарной методологии, которая включила в себя теологический, религиоведческий, историографический, исторический и археологический подходы. Как правило, работы пишутся по одному из этих направлений и соединение их воедино потребовало глубокого освоения письменных источников, теологических трудов, археологических изысканий начиная с зарождения библейской археологии и заканчивая новейшими открытиями.

Тема диссертации раскрывается на фоне трех основных хронологических отрезков: это первый век нашей эры, рубеж XIX и XX веков и современность. Касаясь вопросов археологии, К.В. Неклюдов так же обращается к ветхозаветному времени, что заставило коснуться и этой, отдельной сферы исследований, со своей особой спецификой. Несмотря на взаимообусловленность всех рассмотренных отрезков времени, нельзя не отметить, что каждый из них обладает своей проблематикой и актуальностью, и сведение их воедино потребовало разработки собственной авторской концепции. Основной ее смысл заключается в сравнении богословской мысли «доархеологического» и «археологического» периодов. По своему масштабу, данная концепция может лечь в основу целого ряда новых, более частных исследований.

Наиболее интригующий вызов, который стоит перед палестиноведением, – это нахождение соответствия между Священными текстами, историческими сведениями и археологическими данными. В этом отношении, теологи и археологи как бы застыли в ожидании окончательных интерпретаций и объяснений друг от друга относительно массы вопросов, и соединение двух дисциплин представляется крайне актуальным. Не будет преувеличением сказать, что подобные изыскания являются одним из главных стимулов для развития академической археологии в Израиле.

Подобная задача стояла и перед автором диссертации. Ряд выводов, к которым приходит К. Неклюдов, в свою очередь, может направить часть археологических работ, а также лечь в основу их систематизации, недостаток которой так же остро ощущается.

Некоторые замечания. Не совсем ясно, каким образом археологические данные, как утверждает автор, помогли развенчать ряд серьезных гипотез (итурейскую, киническую и другие, принадлежащие отдельным авторам). Вероятно, о подробностях этого процесса речь идет в основном тексте диссертации. В автореферате автор перечисляет ряд археологических доказательств, которые подтверждают присутствие религиозного иудейского населения и его происхождение из южных регионов страны. Если же говорить о теориях, то возникают вопросы какие именно признаки кинического или итурейского влияния не были найдены, что бы можно было говорить о развенчании целых теорий? Приходит ли к таким теоретическим выводам автор впервые или подобные идеи уже высказывались?

Если рассуждать об этнической целостности иудейского населения Галилеи, то вспомним хотя бы проект Ирода по переселению Вавилонских иудеев на Голаны, в Батанею, или ряд захоронений (например, в районе Мейрона), которые устроены по финикийскому обычаю. Учитываются ли подобные этнографические проникновения?

К.В. Неклюдов касается такого понятия как «маркеры иудейского присутствия». М. Авиам, наряду с другими исследователями, действительно ввел такое понятие. Если говорить о новозаветном времени, то это следующие признаки: особая технология производства кошерного оливкового масла, отсутствие свиных костей, изменения в производстве керамики (из местной глины, но по южным образцам), изготовление каменных сосудов, использование аниконических хасмонейских монет, строительство микв и, наконец, синагог. Помимо этого, к «маркерам» также относится особый тип иродианских масляных ламп (knife-paired lamps) с характерно оформленным носиком. С разной степенью детализации автор касается каждого из них в разных частях автореферата. Но интересно было бы отметить, что например, для иудейского населения Галилеи важно было не только изготовить лампу по южному образцу, но и иметь лампу, непосредственно изготовленную в окрестностях Иерусалима и привезенную оттуда (найденны в Йодефате, например). Помимо Кфар Ханании, которой автор касается подробно, в последние годы выявлен новый галилейский центр производства керамики – Шикхин (синагога в Шикхине относится ко II-III вв. н.э.). Недавние археологические работы в районе Назарета (Й. Адлер) показали, что каменные сосуды изготавливались и в Галилее, а не только в Иудее (Хизме).

В абзаце, где идет речь о запустении Галилеи после ассирийского пленения, снова заходит речь о «маркерах», которые были введены Ридом. Не совсем ясно, имеются ли в виду уже упомянутые, относящиеся к новозаветному времени (что едва ли так, так как религиозное самовыражение сильно изменилось с периода железа), или же речь идет об особых

ветхозаветных «маркерах»? Помимо этого, как кажется, важным «маркером» является тип захоронений. В раннеримской Иудее повсюду находят типичные иудейские оссуарии, которые появляются в Галилее лишь после 70 г. н.э., то есть, по всей видимости, обычай приносится туда вместе с изгнанным населением. Почему оссуарии не использовались в рассматриваемый период?

Особенно важным является вопрос строительства синагог. Изучение синагог рубежа эр – это отдельная отрасль израильской археологии и истории, и требование погружения еще и в данную проблематику – едва ли было бы справедливым, с учетом и без того широкой эрудиции автора в ряде вопросов. Но, тем не менее, краткая характеристика необходима. Чаще всего находят лишь крупные общественные здания в форме большого зала или базилики с сидениями вдоль стен, и их атрибуция в качестве синагог находится в сфере гипотез (как в Хирбет Кане, например). Есть только несколько памятников, которые являлись синагогами вне всякого сомнения. В автореферате автор касается, в основном, описания синагоги в Магдале, которая точно идентифицирована благодаря найденному там столу с символическими, возможно, Храмовыми, изображениями (автор называет его базой, что терминологически не совсем верно). Каждый год число ранее известных синагог периода Второго Храма (лишь четыре в 70-80-х гг. XX века) все более увеличивается и уже достигло более десятка. Недавно были открыты синагоги на Тель Рекеш под Фавором (Верхняя Галилея), в Маждулии на Голанах (речь в данном случае идет только о северном регионе страны). Стол, аналогичный магдальскому, был найден во вторичном использовании в синагоге в Хорват Куре (синагога II-III вв. н.э.) и также мог принадлежать пока неизвестной синагоге, аналогичной той, что найдена в Магдале. Данные сведения в автореферате не упоминаются, но с учетом того, какими темпами развивается израильская археология, едва ли этот незначительный недостаток информации не оправдан, и может быть с легкостью восполнен при подготовке диссертации к публикации в качестве монографии.

Помимо того, что ряд позднеантичных синагог может быть построен на месте евангельских, множество бейт кнессетов известно по историческим упоминаниям. Позднеантичные синагоги могли быть выстроены на месте ранних, как например, в Капернауме. На эту тему существует несколько отдельных исследований. В свете же нынешней диссертации, автор прекрасно владеет и археологическим, и историческим материалом и мог бы представить приблизительное число синагог времен Христа с учетом всех источников. Это представляется важным, так как наличие и количество синагог в Галилее в период до разрушения Иерусалимского Храма ставит множество вопросов перед ортодоксальным иудаизмом того времени. Ведь, по сути, законным местом поклонения Богу по-прежнему оставался лишь Храм. Чем тогда, по мнению автора, являлись синагоги, местом встреч или все же "Малыми Храмами"? Если только местом для встреч, то какую роль играли миквы, расположенные при таких синагогах (например, в Гамле)?

Стол, найденный в Магдале, также имеет определенно религиозный, литургический характер, и в этом смысле к дискуссии относительно смысла его изображений автор также мог бы присоединиться. Где синагог было больше в данный ранний период и почему – на севере Израиля или на юге? И, в связи с этим -- было ли столь уж «верно иудейское население Иерусалимскому Храму», как то утверждает автор диссертации? Столь ли весомы при таком положении дел оказываются т.н. «маркеры» и в чем вообще заключается их смысл? Помимо этого, играл ли особую роль для северных иудеев религиозный центр в Дане, где на остатках библейского альтернативного храма Иероваама в I-II вв. было выстроено новое здание/святилище квадратной формы? Было ли оно известно/активно во времена Христа и в какой среде?

Автор отмечает, что археология указывает на отсутствие языческих святилищ в Галилее I в., на их сосредоточение на северной границе Галилеи и на основной всплеск строительства уже во II в. Данное утверждение довольно смело в свете недостаточной изученности позднеэллинистической и раннеримской Галилеи как таковой, а также с учетом замечания автора о том, что ряд городов был выстроен по эллинистическому типу. И хотя святилища действительно концентрируются на севере Галилеи, ближе к Ермону, и являются скорее периферией ливанского цветущего язычества, чем палестинского, нельзя не отметить наличие святилища рубежа эр в Омрите (под римской перестройкой), а также святилище в Сепфорисе, датируемое I-II вв. н.э. Также, судя по новым открытиям, святилище было и в Суссите I в. (Суссита расположена в непосредственной близости от западного берега Галилейского озера и формально относится уже не к Галилее, а к Десятиградию). Если говорить о северных пределах Галилеи, то археология показывает довольно ошутимое присутствие классического язычества уже в I в. Существовали даже Святые места, важные для всего Средиземноморья, не только для Палестины, с развитыми религиозными обычаями (святилища в Кедеше, в Омрите, в Кесарии Филипповой). Известно даже о практике обращения к оракулам (Кедеш, Кармил). Система римских дорог, которая представляется раздробленной из-за нынешних геополитических положений на Востоке, может быть и не делала Галилею важной транзитной областью в экономическом смысле, как утверждает автор, но зато плотно связывала ее с самым сердцем южной Сирии, глубоко языческой, а также с Хаураном. Архитектура и святилищ, и синагог эту взаимосвязь ярко отражает и хранит на протяжении всего позднеантичного периода.

Не подвергаются критике собственно археологические исследования, которые в меньшей степени, чем теоретические труды, но все же являются интерпретационными, и пересмотр непосредственных находок часто ведет к совершенно иным выводам. Так, датировки между рубежами эр, а также между I и II веками нашей эры, основанные на керамике, очень зыбки и зависят от мнения того или иного специалиста. Таким образом, при ближайшем рассмотрении многие святилища II в. н.э. могут быть

передатированы и I в. н.э. Часто датировка керамики «плавает» в пределах столетия и у одного и того же исследователя, не говоря уже о внедрении керамических материалов в общий средиземноморский контекст. Общим замечанием европейских коллег является мнение о том, что датировки керамики, в частности у Д. Адана-Баевича, сильно занижены (то есть исследователь предлагает самый ранний из возможных хронологических пределов, которые могут колебаться в диапазоне до трех столетий). Нумизматические данные, как известно, вовсе дают датировку *terminus post quem*, не более того. Не раз упоминаемые хасмонейские монеты, например, чудесным образом оказались в ходу в V в., из-за их близости по весу и размерам с византийскими минимами.

Несмотря на все эти замечания или, скорее, предлагаемые темы для дискуссии, автореферат может быть оценен высоко по самым строгим научным стандартам и, несомненно, отвечает всем требованиям, предъявляемым к защите кандидатской диссертации. Большое количество вопросов обусловлено не критическим подходом, а скорее живым интересом, который вызывает монументальная и прекрасно подготовленная работа у коллег из смежных специализаций.

Тарханова С.В., к. иск., археолог

Стар. науч. сотр. Научно-Исследовательского Института Теории и Истории Архитектуры и Градостроительства «Минстроя России» в Москве

Внешний науч. сотр. Института Археологии Еврейского Университета в Иерусалиме

08.10.18

111024 Москва, ул. Душинская, д. 9 тел./факс: (499) 951-82-72

niitag@yandex.ru